Рассказ скачан на сайте http://eromo.org
Название: Чужие губы

1

«Чужие губы тебя ласкают, чужие губы шепчут тебе... « — Лика бросила Севу Севастьяна на глазах у всего лагеря, переметнулась к спортсмену можно сказать за один вечер.

— И смех, и грех, — качал головой директор лагеря, сплетничая с главным бухгалтером, полновластной женщиной бальзаковского возраста, старой еврейкой, забальзамированной кремами и тушью.

— Ничего, побесится и вернётся, — отвечала та, довольно улыбаясь.

Грязное бельё, выставленное неприличной стороной на обозрение, источало сладкий аромат блядства и вседозволенности. Как навозные мухи, копошащиеся в дерьме, детишки с вожделением следили за ходом событий, передавая по сарафанному радио каждый взгляд и жест, томный вздох и характерный женский стон за закрытой дверью.

Мыслимое ли дело, муж и жена, одна сатана, приехали в лагерь вместе, души друг в друге не чая, и уже через неделю отличница, комсомолка и просто девочка-паинька Лика Севастьянова, в девичестве Лизунова, закрутила безумный роман с мечтой всех девчонок, грозой всех мальчишек, смуглым красавчиком и просто очаровашкой горюшко горем горе-Игорем. Как его только не называли, горемычного. Уж такая фамилия у Погорелого: как взялся за чужую жену, так горевать всем.

А взялся он конкретно. Девчонки рассказывали, что вожатая едва на ногах стояла после тихого часа и коленки у неё всё время красным заревом пылали. И щёки — но не от стыда, а от желания, раззадоренного.

Сева с женой жил в комнате по соседству. Собственно Лика-Анжелика так и познакомилась с горе-Игорем: вышла на балкон в шортиках и красном бюстике от купальника. А он там сидел, тоже в шортах, с оголённым торсом, загорелый, стройный, как Аполлон. Блеснула искра, слово за слово, и вот уже спортсмен приглашает продегустировать мартини.

* drawing by Mark Sol

С мужем? А муж объелся груш и спит, голубчик. От него не то, что мартини, пива не дождёшься. И вот уже Лика перелезает через перегородку, заходит к спортсмену в комнату, рассматривает фотографию в рамочке, где наш герой на пьедестале почёта грызёт золото.

Сладкий мартини полощет горлышко, успокаивает взведённые нервы. Неожиданное знакомство заканчивается весьма ожидаемо: горе-Игорь, подсев поближе, набрасывается на куколку, прижимает её к кровати. Ей некуда деваться, бедной, она бьётся, как птичка в клетке, соблюдая рамки приличия, слабеет на глазах, руки вяло опадают под натиском заряженного тела физкультурника. Стальная эрекция рвётся из шорт, втыкается ей в промежность. Даже через два слоя ткани чувствует Лика колоссальный размер.

— У тебя есть презерватив? — шепчет она, сопровождая слова замыленным молящим взглядом.

В ней пятьдесят пять килограммов нежного филе — ничто по сравнению с центнером бройлерной стали. Наш спортсмен рад стараться: накидывает резинку, срывает шорты там, тут, и раз — вколачивает недетский кол в привыкшую к мужним ласкам пухлую бритую писечку.

Он драл кареглазую шатенку не меньше часа, кончил четыре раза. Лике тоже крышу снесло, как только первая неловкость отступила, она отдалась с потрохами, забыв про замужество, приличия, пятёрку по «Этике».

Всё, что волновало её в момент оргазмического потрясения, сводилось к простому правилу: не орать. Она уткнулась лицом в подушку и гудела туда, стоя на коленках, пока спортсмен жарил её, отрываясь на чужой жене.

Лику можно понять и уж тем более простить: она впервые в жизни испытала оргазм. Затем ещё один, затем оргазмы накатывали волнами, её лихорадило и трясло. Она не знала, что такое секс, не ведала, почему люди занимаются им. Всё, что было до этого с Севой, не в счёт. Тот научил её принимать вечерние притирочки за чистую монету. Сюсюкался с ней по два часа, не разрешая ситуацию проникновением. Тот ласкался, как котик, оставляя её горячей на мази, без продолжения банкета. Она понятия не имела, что есть такие мужчины, что женщина в ней способна агонизировать, так сладко страдать, что член может быть таким большим и влетать так яростно, что она может захотеть стать развратной, сама захотеть, чтобы ей кончили в рот. Что она может насладиться вкусом спермы. Всего этого она не подозревала, не знала, мирно сосуществуя с другом детства, ставшим другом молодости, незаметно получившим прописку в стане рогоносцев. 2

Когда Сева проснулся, где-то внизу долбила музыка. Популярный хит лета «Чужие губы» набирал обороты. Его крутили каждый день по пять раз так, что Сева уже сам начал напевать и насвистывать незатейливый мотивчик. Он накинул шорты и вышел на балкон.

Разомлевшая на солнце Лика грелась в плетёном кресле. Довольная улыбка кошки не сходила с её лица.

— Чего такая довольная? — Сева окинул взглядом жену, которая, казалось, вот-вот сползёт, как растаявшее масло по ножу, и рухнет на бетонный пол. Лика сидела перед ним в красном ливчике, едва прикрывавшем соски, и коротеньких джинсовых шортах, закинув одну ногу вверх, другую вывернув наружу.

Сквозь щели в паху между бёдрами и шортиками Сева разглядел красные плавки бикини. Лика загадочно улыбалась, скрывая глаза, как черепаха, под большими тёмными очками.

— Хорошо поспал? — спросила она, покачивая коленкой, от чего плавки под шортами полностью обнаружили очертания писи.

— Хорошо, — он кивнул, внимательно наблюдая за движением голых бёдер. — А ты чем занималась?

— Трахалась, — жеманно, как всегда с придурью в голосе, отозвалась Лика.

Жена часто подшучивала над Севой, врала с три короба, чтобы потом выставить его дураком. Он давно привык к выходкам жены, но таких закидонов ещё не было.

— С кем?

— С соседом, — и глазом не моргнув, ответила Лика, продолжая улыбаться.

Сева усмехнулся, сосед-спортсмен вызывал у него лёгкую зависть. Смуглый, загорелый, накаченный — все девчонки по нему сохнут. Вот теперь и жена туда же.

— И как тебе, понравилось? — спросил он, как всегда в таких случаях подыгрывая разыгравшейся фантазии жены.

— Да как тебе сказать... — Лиза потянула ручки вверх, сонно зевая.

— Скажи так, чтобы я поверил, — что-то едкое закралось в душу Севе.

— А ты не обидишься? — Лиза обласкала мужа насмешливым взглядом.

— Нет, рассказывай.
— Ну, он сначала угостил меня мартини, а потом накинулся. А потом я уже ничего не могла с собой поделать.
— Это понятно. А вообще в целом, тебе понравилось?
— Да, классный парень, — Лиза отчеканила, забыв спрятать восторг.
Сева раздражённо постучал пальцами по парапету.
— Так может пойдёшь к нему жить?
— Так может и пойду, — парировала она.
— Так может пойдёшь прямо сейчас?
— Так может прямо сейчас и пойду.
— Так иди, чего ты ждёшь, — он гневно уставился на неё.
— А ты не пожалеешь? — Лика заволновалась, на секунду отбросив придурь, чем вызвала несказанное удовольствие в глазах супруга.
— Ну он же классный парень. Тебе такие нравятся.
— А ты сам этого хочешь? — Лика цеплялась, как могла.
— А ты сама хочешь?
— Я может и хочу, ну а ты-то чего хочешь?
— Ну а я-то хочу того же, что и ты. Если ты хочешь, то и я хочу.
Сева любил помучить Лику бесконечными препираниями. Это его черта характера просто бесила её. В этот раз она не выдержала, усилием воли поставила затраханное разомлевшее на солнце тело на ноги и сделала шаг в сторону соседского балкона.
— Ну я пошла? — спросила она, испуганно обернувшись.
— Иди, иди, — злорадно отозвался он, глядя вниз.
С поникшей головой она перекинула ногу через перегородку, всё ещё надеясь, что Сева передумает и кинется её догонять, просить прощения. Но он был ужасным упрямцем, страшным ревнивцем. Это его и сгубило, Сева потерял жену в одночасье. Она и не планировала никуда уходить, но хамство мужа вызвало в ней протест. Желание отомстить привело к ещё более пикантным последствиям. 3 Севу трясло от ярости. Жена перешла на сторону соседа, постучала в стеклянную дверь, её впустили, и вот теперь она сидит там, видимо, жалуется на него. Как же он всё-таки довёл ситуацию до ручки? Почему Лика всегда так бесит его невыносимостью характера?
Он порывался пойти к соседу, колотить в дверь ногами, но сдержался. То же чувство, которое заставило его выгнать жену, заставило его остаться. Великое чувство — чувство достоинства, неоспоримый аргумент в любом деле.
«Интересно, что она там так долго делает?» — эта мысль выгнала его на балкон, заставила перегнуться через перегородку и приникнуть носом к стеклу.
Зрелище, представшее его глазам, вызвало в нём временное помутнение рассудка. У него пропал дар речи, отказали руки и ноги. Он болтался на перегородке, инстинктивно цепляясь ногами за железку.
Жену, стоявшую раком, драли что есть мочи, грубо и беспощадно.Лике. Как будто это чужая развратная жена, которой мало секса с одним, и она ищет приключений с другим.
По сути так оно и было, учитывая тот факт, что Сева чётко вознамерился подать на развод по приезде домой.
Подскочив, он бесшумно открыл двери балкона и на цыпочках прокрался к перегородке.

Подглядывать за чужими играми оказалось намного проще, чем следить за похождениями родной жены.

Лика лежала на спортсмене сверху, насаженная головой на длинный ствол. Её слезящиеся глаза, направленные в сторону балкона, сразу ухватились за Севу. Она была в тех же шортиках и белой маечке, в которых за пять минут до этого делала минет мужу.

Спортсмен блестел бронзовым загаром, он был полностью раздет и, спустив ноги на пол, долбил Лику лёгкими ударами. Двумя ладонями горе-Игорь фиксировал её головку на члене, трахал её не спеша самым кончиком.

От Лики требовалась самая малость: сделать ротик нежным и упругим для проникновения.

Она смотрела на Севу и многозначительно закрывала глаза, как часто делала это раньше, когда при посторонних не могла говорить. Так она моргала в гостях, например, когда хотела сказать Севе: «Я на твоей стороне. Вот сейчас закончим здесь, и я тебе всё расскажу, что хотела сказать».

Сева улыбнулся, Лика просияла в ответ счастливыми ямочками. Её рот был занят, но мысли летели к Севе:

«Как ты там? Не скучаешь?»

Волосы сбились в вялые локоны, слюна растеклась по губам и свисала тонкой ниткой с подбородка. В глазах её горел огонь страсти, но не к Игорю, а к Севе, который внимательно следил за глубиной проникновения. Расслабленное горло поддалось напору, впустив ствол до конца. Пухлые губки опустились к яичкам, замерли в ожидании. На напряжённом лице Лики застыло измученное выражение повиновения. Вечно шаловливые глазки продолжали заигрывать с Севой.

От удивления у него отвисла челюсть. Он давно возбудился, наблюдая за бывшей женой, которая, похоже, была не против, изменить новому ковалеру с бывшим.

«Вот где шило в заднице!» — он восхищенно наблюдал, как, разогнавшись, спортсмен с рёвом, слышным даже через стекло, кончил глубоко в горло.

В этот момент Лика особенно странно смотрела на него: как будто ждала от него указаний. «Хочешь, откушу ему член? — говорил её взгляд. — Только попроси».

Сева улыбнулся и рукой указал на эрекцию в джинсах. Лика растянулась как могла ямочками на щеках, томно опустила веки, давая понять, что сейчас освободится и придёт к нему. 7

Лика-Анжелика испытывала странное противоречие: она любила двух мужчин одновременно. Одного — красавчика Аполлона — она любила за силу и мужество, грубость и необъяснимую власть над нею, другого — умницу Севушку — за заботу и отзывчивость, нежность и обидчивость. Она любила его за обидчивость! В это она никогда бы не поверила, она всегда чувствовала себя виноватой рядом с ним, злилась, потому что Сева всегда выкручивал ситуацию, чтобы сделать её виноватой. Теперь, чем больше она думала о своей сладкой вине, об упрямце и чистюле Севе Севастьяне, тем больше нравился он ей. Иногда, чтобы полюбить человека, мало выйти за него замуж и прожить вместе два года. Иногда, нужно съесть не только пуд соли, но и глотнуть чужой спермы.

Лика с утра глотала сперму: сначала горе-Игорь разрядился свежей порцией солёных сливок, затем Сева отстрелялся по барски залив ей полный рот — она сделала не меньше трёх полных глотков. Теперь вот Игорь, воодушевлённый утренним сообщением о техническом перерыве, решил продолжить эксперименты с глубиной горла. Она сама не ожидала, что способна заглотить так глубоко. Горло непривычно побаливало, когда она вышла из комнаты, где

утомлённый горе-Игорь решил вздремнуть часик перед ужином.
Сева лежал на кровати в той же позе, в которой она его оставила. Лика виновато улыбнулась, поправила волосы, облизнула губы. Он внимательно следил за ней бледно-голубыми зрачками — так гепард, лежащий в засаде, готовится к прыжку. Заметив эрекцию в джинсах, Лика расценила возбуждение мужа как знак привязанности, как шанс проявить любовь. Она запрыгнула на ноги Севы и потянула бегунок.
Член был твёрдый и длинный, почти как в последний раз, когда она его обслужила. Взяв его в рот, Лика уставилась в глаза Севе, взглядом приглашая его поиграть в гляделки. Он не реагировал, молчал.
И тогда она принялась нежно сосать его, поцелуйчиками прохаживаться по стволу, пальчиками заигрывать с яичками, нежно мурлыкать, как кошечка, желающая поиграть.
Краешки Севиных тонких губ слегка приподнялись, то ли ухмылка, то ли занятная мысль поселилась на непроницаемом лице. Он положил две руки сверху на затылок бывшей и медленно натянул её до конца. Она осталась лежать, уткнувшись носом и губами в чёрных зарослях его лобка. Её взгляд, по-прежнему устремлённый вверх, прикованный к нему, просил прощения. Она ласкала Севу нежными посланиями: «Я люблю тебя, только тебя, милый, всё, что с ним, — это не в счёт, это так, игра. Я хочу быть с тобой, но не могу, потому что должна быть с ним, так получилось, случилось, так должно было случиться, чтобы случилось то, что сейчас случается, с тобой».
Она дала себя трахнуть в рот ещё раз. Только в этот раз она смотрела любвеобильным взглядом в Севину обиженную душу, вымаливала у него прощение. А он чувствовал отчуждение, испытал невероятную свободу похоти. Он трахал любовницу, чужую жену, восходящую шлюху, желающую обслуживать нескольких мужчин.
В очередной раз натянув бывшую, опущенную, развратную, ошалевшую от блядства и вседозволенности, он кончил в неё болезненными разрядами. Насаженная глубоко на член, она губами шевелила в лобковых волосах его паха, словно шептала: «Прости меня! Я больше не буду. Я буду трепыхаться только на твоём члене и ни на чьём больше!»
Уже отпустив её, Сева обнял Лику и, прильнув к её лицу губами, бросился покрывать всё её грязное тело мокрыми поцелуями. Он готов был рыдать от горя, от любви, от раздирающей душу ревности. Её затраханное хрупкое тело, нежное, молочного цвета, покрытое сладким потом, смешанным с потом и выделениями другого мужчины, он покрыл влажными поцелуями. Как губкой вытер с неё грязь, освободив её от вины.
Она выходила из комнаты с новым чувством выполненного долга, с тайным пониманием миссии, которая возникла в процессе ссоры. Она купалась в страстной любви одного мужчины и похоти другого, не желая возвращаться к прошлому. 8
Скоро смазка смазывается, да не скоро муж меняется. Лика не спешила возвращаться к Севе Севастьяну. Она крутила с ним новый роман: по кусочкам вырывая из него обещания и клятвы в вечной любви. Когда к концу смены горе-Игорь, наигравшись, подустав, попросил Лику временно пожить у себя, то есть с мужем, она нисколечко не удивилась. Тихо собрала вещи и перешла к Севе. Первая ночь, проведённая в горячих объятиях мужа, оказалась настолько страстной, что с утра на зарядке Лика едва держалась на ногах. И девчонки вновь перешёптывались, заглядываясь на красные истёртые ссадинами коленки вожатой. Не удивительно: Сева трахал жену всю ночь, он кончил в неё раз пять. Имел её на полу, на кровати, в ванной. Он крутил её на члене в диком танце любви. С перерывами на водопой и

предварительные ласки. Ничего подобного раньше между ними не было. Лика, освободившись от вины, научилась любить и ценить мужа. А главное доверять. Она больше не цеплялась к словам, не подшучивала, не хамила. Сева тоже сильно поменялся.

Когда через пол-года он пригласил холостого друга детства вместе съездить в отпуск, Лика от возбуждения потеряла дар речи. Она вновь трахалась с одним, смотрела горящим преданным взглядом в глаза другому — своему мужу. Вновь глотала чужую сперму, не отрывая взгляда от любящих глаз Севы. Наконец она глубоко заглатывала член мужа, пока его друг занимался ею сзади. Они продолжили экспериментировать, и Лика научилась принимать сразу два члена, один из которых принадлежал мужу, другой — его другу. Она сливалась в сексе с чужой похотью, отдаваясь при этом душой мужу. Сева целовал её нежно в губы, следил за наступлением у неё оргазма, чтобы не упустить момент — насладиться сладким восторгом в её глазах. Это был высший пик их общения, полученный с опытом в лагере. Они отточили его до мельчайших нюансов: её зрачки закатываются, он держит её головку, не давая ей выскользнуть, оторваться от него взглядом, улететь. Она отрывается от реальности, но не от него. Разум теряет контроль над телом, и только разрешающие голубые глаза Севы держат её в материальном мире, не дают ей упасть. И пока чужие руки лапают её тело, грубо насаживают на член, жёстко трахают пальцем в анус, она живёт в другом мире, где только она и муж. Сева ласкает её соски кончиками пальцев, поддерживает её ласковыми словами, гладит членом по губам. Он ещё успеет кончить, она высосет из него сперму, как он любит. Право последнего оргазма навсегда принадлежит ему.